

Гу Цзицин, наблюдая за реакцией Чжоу Цыбая, замедлил движение рук.

Что означали эти слова?

То, что он его не невзлюбил, и ещё останется на ночь?

Но разве он не гомофоб?

Заметив недоумение на лице Гу Цзицина, Чжоу Цыбай, вспомнив свои прошлые резкие высказывания, опустил взгляд:

- Я хотел сказать... ты мне не неприятен. Лу Пин, Чэнь Цзи и другие тоже тебя любят. Ты заслуживаешь хорошего отношения, не нужно унижаться перед теми, кто этого не стоит.

Говорил он, краснея и избегая зрительного контакта, но с такой искренностью, что сложно было не поверить.

Потом добавил, ещё более смущённо:

- И, кажется, я не совсем гомофоб. Просто были... травмы. Сейчас вроде прошло. Иначе вчера бы не...

Он замолчал, застыв с тарелкой свиных рёбрышек в руках, всем видом выдавая дискомфорт.

Гу Цзицин даже сквозь одноразовые тапочки разглядел, как его пальцы ног судорожно впивались в пол.

Тогда он понял:

Чжоу Цыбай, после вчерашнего, осознал, что его «гомофобия» - не более чем защитный механизм. Настоящий гомофоб не стал бы повторять несколько раз.

А ещё - чувствовал вину за прошлое и теперь пытался загладить.

- Но ты остаёшься в комнате из-за страха? - спросил Гу Цзицин.

Чжоу Цыбай, который просто искал предлог остаться:

...

- М-м-м, - буркнул он, отвернувшись.

Гу Цзицин:

...

Неожиданно мило.

- Так ты пойдёшь? - Чжоу Цыбай перевёл тему, прикусив губу. - Если нет... я могу провести с тобой последний час Рождества.

В его голосе сквозили подавленная обида и надежда.

Словно пёс, который боится, что хозяин уйдёт, и изо всех сил старается угодить.

Гу Цзицин усмехнулся.

В это время телефон завибрировал.

[Принцесса]: Дорогой Чжи-Чжи, если плохо себя чувствуешь – скажи маме. Я поговорю с папой и бабушкой. Ты так много трудился в этом году.

[Принцесса]: Мама попросила Санту прислать подарок. И... я рада, что у тебя появился такой хороший друг. Если Сяо Чжоу свободен – пригласи его на обед.

Гу Цзицин замер.

Он уже забыл, когда Инь Лань в последний раз говорила ему «не насилуй себя».

А ещё она назвала Чжоу Цыбая «очень-очень хорошим другом».

Видимо, за время его сна этот моральный эталон успел совершить что-то достойное медали.

Гу Цзицин поднял глаза.

Высокий парень стоял с тарелкой дымящихся рёбрышек, губы поджаты, уши пылали. Ждал ответа.

В голове мелькнуло: остывшие рёбрышки – невкусно.

Кот Чжоу-Чжоу тоже грустил, когда его оставляли одного.

Да и вчера они оба устали.

Может, один раз можно позволить себе лень?

Он не хотел разочаровывать этого человека.

- Как ты хочешь провести Рождество? – спросил он мягко.

- А? – Чжоу Цыбай тупо моргнул.

- Я не хочу выходить. Остался час – чем займёмся?

Гу Цзицин сидел на краю кровати, скрестив ноги, словно ребёнок, планирующий праздник.

Чжоу Цыбай:

...

Он, прямолинейный «натурал», никогда не отмечал эту «потребительскую глупость». Задумался на секунду, затем схватил куртку:

- Подожди тут.

Через двадцать минут он втащил в номер ёлку как раз в момент, когда из телевизора выползла окровавленная женщина с выпавшим глазом.

- Ты боишься? – спросил Гу Цзицин, наблюдая, как тот застыл в дверях.

- Нет, - буркнул Чжоу Цыбай, деловито развешивая носки на ветках.

Рядом на экране зомби грыз ребёнка.

- Откуда ёлка?

- Купил внизу.

- За сколько?

- Пять тысяч.

...

- Это неликвид! - оправдывался Чжоу Цыбай. - У всех должна быть ёлка...

Он замолчал, понимая, что звучит как идиот.

Гу Цзицин рассмеялся.

- Спасибо.

Чжоу Цыбай, нервничая, отломил ветку стоимостью в двести юаней.

- Щёлк.

Гу Цзицин выключил ужастик, включил ромком и встал:

- Давай я помогу.

- Не надо! - Чжоу Цыбай прицепил последний носок. - Выбирай подарки.

В носках оказались:

1. Купон на «свиные рёбрышки» до конца университета.
2. Приглашение на день рождения Чжоу Цыбая 31-го (подарок не нужен).
3. Билет на баскетбольный матч с воздушной дуделкой.

Гу Цзицин представил, как тот серьёзно составлял эти «купоны», и не сдержал улыбки.

Как можно быть таким неуклюжим и милым одновременно?

- Чжоу Цыбай, - он повернулся с третьим носком в руке.

Только что закончивший расставлять свечи и втыкать в вазу последнюю «реквизированную» розу, Чжоу Цыбай поднял глаза:

- Что?

Гу Цзицин потряс карточкой:

- Ты в курсе, что 31-го ваша команда играет против нашего факультета?

...

- И кому, по-твоему, я должен болеть? - спросил он спокойно.

Чжоу Цыбай, осознав глупость своей затеи, покраснел и потянулся за билетом:

- Этот не считается. Выбери другой.

Но Гу Цзицин, словно дразня кота, спрятал бумажку за спину:

- Почему?

Чжоу Цыбай, как и ожидалось, полез за ней.

Гу Цзицин машинально поднял руку вверх, забыв, что перед ним не кот Чжоу-Чжоу, а метр девяносто мускулов. Билет оказался прямо перед лицом соперника.

Он резко отдернул руку за спину. Чжоу Цыбай, охваченный стыдом, наклонился, чтобы отобрать доказательство своего идиотизма.

Гу Цзицин отпрянул на диван. Чжоу Цыбай, потеряв опору, рухнул сверху, левая рука неловко ткнулась в его поясницу - самое щекотное место.

- А-а...

Гу Цзицин дёрнулся, едва не свалившись на пол. Чжоу Цыбай попытался его удержать, но колено соскользнуло с края дивана, и он всей массой придавил того к подушкам.

Теплота тела, знакомый запах, красные следы на шее - всё это нахлынуло воспоминаниями о прошлой ночи.

Чжоу Цыбай ощутил жар внизу живота и заторопился подняться:

- Прости, я не хотел... Забыл, что матч против вашего факультета...

- Я буду болеть за тебя.

Не дав ему встать, Гу Цзицин посмотрел прямо в глаза:

- Ты всегда был на моей стороне. Теперь моя очередь.

Он не верил в «командный дух». Просто хотел отплатить за доброту, даже неуклюжую.

Чжоу Цыбай замер, опираясь на локти.

Гу Цзицин в свете свечей казался иным - без привычной отстранённости, мягким и настоящим. Искры пламени танцевали в его глазах, а родинка у виска будто прожигала дыру в рациональности.

В голове стукнуло: «Поцелуй его».

Не из-за желания, а просто потому, что он так говорит.

С экрана доносились звуки поцелуев из фильма. Воздух густел.

Чжоу Цыбай чувствовал, как тело предательски реагирует. Пальцы впились в обивку дивана, горло пересохло.

Гу Цзицин уловил дрожь в его дыхании, запах тестостерона.

Перед ним был идеальный образец мужской силы – сильный, честный, не умеющий лукавить.

А ему самому вдруг захотелось вспомнить, что значит быть живым.

Он обвил руками шею Чжоу Цыбая, обхватил бёдрами его талию, приподнял глаза с лёгкой игривостью:

- Чжоу Цыбай... Ты хочешь?

<http://bllate.org/book/14413/1274352>